251

М. Любавскій.

ОБЛАСТНОЕ ДѢЛЕНІЕ И МѢСТНОЕ УПРАВЛЕНІЕ

ЛИТОВСКО-РУССКАГО ГОСУДАРСТВА

Д 251
251

КО ВРЕМЕНИ ИЗДАНІЯ

ПЕРВАГО ЛИТОВСКАГО СТАТУТА.

Рецензія С. А. Вершадскаго.

Отдѣльный оттискъ изъ «Отчета о XXXVI присужденіи наградъ гр. Уварова».

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12).
1895.

Рецензія на сочиненіе г. М. Любавскаго

„Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства ко времени изданія Перваго Литовскаго Статута",

Историческіе очерки съ картою Литовско-Русскаго государства въ концѣ XV и началѣ XVI в. — Москва 1893 г., 4°. VIII + 884 + C + VI.

С. А. Бершадскаго.

Обширный трудъ г. Любавскаго представляетъ цѣнный вкладъ въ русскую историческую литературу. До настоящаго времени всѣ изслѣдователи по исторіи В. Княжества Литовскаго обращали свое вниманіе или на изученіе политической исторіи Литовскаго государства и отдѣльныхъ его земель, или же на исторію отдѣльныхъ общественныхъ классовъ. Со времени труда Ярошевича не встрѣчается попытокъ представить цѣльную картину государственнаго и общественнаго строя В. Княжества. Опираясь даже на одни напечатанныя съ того времени матеріалы, можно было бы нарисовать довольно точное и гораздо болѣе полное изображеніе областнаго дѣленія и мѣстнаго управленія Литовскаго государства, но, къ сожалѣнію, главный матеріалъ для надлежащаго выясненія коренныхъ принциповъ государственной жизни и общественнаго строя В. Княжества покоится еще и по настоящее время въ актовыхъ книгахъ Метрики Литовской. Между тѣмъ, безъ выясненія этихъ принциповъ, совершенно невозможно точное представленіе о дальнѣйшей исторіи В. Княжества, такъ какъ реформы 1566 и 1569 г. г. представляются заимствованными изъ чуждыхъ литовской жизни источниковъ и борьба противуположныхъ началъ въ литовской жизни проходитъ невидимою, безслѣдною, скрытою отъ глазъ наблюдателя.

Всякій законъ тогда только достигаетъ своей цѣли, становится живымъ элементомъ народной жизни, когда его опредѣленія находятся въ полномъ согласіи съ тѣми реальными отношеніями, которыя даются оригинальными задатками народной жизни, историческими условіями его прошлаго.

Что же дало Литвѣ новое государственное и административное устройство, какъ результатъ мѣропріятій 1566 и 1569 г. г., введенія мѣстнаго управленія и суда по образцу Польши, признанія сувереномъ въ Литвѣ, какъ и въ Польшѣ одного общественнаго класса, т. е. шляхты?

Затрудненія, испытываемыя изслѣдователями, объясняются совершенно естественно тѣмъ обстоятельствомъ, что время самобытнаго развитія государственной и общественной жизни В. Княжества Литовскаго, т. е. время, предшествующее 1566 г., мало освѣщено, благодаря тому обстоятельству, что главные работники въ этой области не могли достаточнымъ образомъ познакомиться съ тѣмъ матеріаломъ, который сохранился въ книгахъ бывшаго Государственнаго Архива В. Княжества, т. е. въ Метрикѣ Литовской. Не смотря на потерю огромнаго количество матеріаловъ этого древлехранилища, происшедшую еще во времена самостоятельнаго существованія Польско-Литовскаго государства, даже и то, что сохранилось до нашего времени, даетъ возможность, какъ показываетъ книга г. Любавскаго, поставить весьма многіе вопросы на совершенно новую почву, предложить изслѣдователямъ новыя точки зрѣнія на тѣ или иныя отношенія внутренней жизни и, во всякимъ случаѣ, облегчить дальнѣйшія разысканія въ этой области. Можно сказать, что дальнѣйшее движеніе въ этой сферѣ, пока не будутъ изучены и, по возможности, изданы матеріалы изъ книгъ Метрики Литовской за время до Люблинской Уніи, постоянно будетъ затруднено.

Правда, уже съ сороковыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія нѣкоторые изъ важнѣйшихъ матеріаловъ для исторіи Великаго Княжеста печатались въ изданіяхъ Археографической Коммиссіи и въ трудахъ нѣкоторыхъ частныхъ лицъ, какъ напр. Дзялынскаго, Пшездѣцкаго и Малиновскаго, Даниловича, Рычевскаго и Мучковскаго и т. д. Но матеріалы, заимствованные этими издателями изъ Метрики Литовской, или касались главнымъ образомъ государственнаго устройства и внѣшнихъ сношеній В. Княжества, или же представляли слишкомъ отрывочныя и не всегда исправно напечатанныя данныя, какъ напр. изданія Дзялынскаго, «Скарбецъ» Даниловича, и друг.

Между тѣмъ, благодаря успѣхамъ политическихъ и общественныхъ наукъ во второй половинѣ XIX ст., благодаря также измѣнившимся воззрѣніямъ на происхожденіе и развитіе права, на установленіе его тѣсной связи съ экономическими и общественными условіями, представилась возможность объяснить весьма многія явленія исторической жизни народовъ съ совершенно иныхъ точекъ зрѣнія, чѣмъ то было раньше. Труды иностранныхъ ученыхъ, какъ напр. Іеринга, Гнейста, Штейна, Момзена, Рота, Вайца, Токвиля, Фюстель-де-Кюланжа и т. д., а также и работы нашихъ

соотечественниковъ, слишкомъ извѣстныя для того, чтобы ихъ нужно было здѣсь приводить, составили новую эпоху въ пониманіи прошлаго. Многое, что признавалось за несомнѣнное, было отвергнуто, такъ какъ внимательное изученіе тѣхъ же самыхъ фактовъ подъ инымъ угломъ зрѣнія, а въ особенности работа надъ внутреннимъ строемъ государственной жизни, надъ обществомъ, изученіе подробностей государственнаго устройства и управленія, наконецъ, открытіе новыхъ матеріаловъ въ этой области показали, напр., что самое основаніе Русскаго государства, не говоря уже о чемъ либо иномъ, можетъ и должно быть понимаемо иначе, чѣмъ привыкли принимать въ теченіи десятковъ лѣтъ всѣ, занимавшіеся этими вопросами, что элементы общественной жизни и строй государства не могутъ укладываться въ рамки, указанныя для него въ началѣ нынѣшняго столѣтія: вѣче, боярская дума, положеніе и отношенія общественныхъ классовъ между собою, характеръ и значеніе права уголовнаго и гражданскаго, понятія преступленія и наказанія, институтъ собственности и т. д., все это получило иное освѣщеніе и истолкованіе; тамъ же, гдѣ были произведены архивныя разъисканія, тамъ, гдѣ и въ настоящее время неустанными усиліями ученыхъ обществъ и отдѣльныхъ лицъ производится разработка и обнародованіе документовъ сѣдой старины, тамъ является мало по малу не только усовершенствованіе, исправленіе и дополненіе извѣстнаго или новое его объясненіе, нѣтъ, тамъ выростаютъ новые горизонты, открываются новыя сферы, устанавливается преемственность явленій между такими эпохами, которыя долгое время считались какъ бы исключающими другъ друга, между Москвою XVI в., напр., и Россійскою имперіею XVIII столѣтія.

Установленная въ наше время тѣсная связь права съ жизнію, громадное значеніе въ вопросахъ государственной жизни организаціи и дѣятельности внутренняго управленія ведутъ къ тому, что вопросами этими начинаютъ интересоваться не присяжные только юристы, но и спеціалисты историки. Рядъ изслѣдованій послѣдняго времени, принадлежащихъ перу спеціалистовъ по русской исторіи, внесъ массу совершенно новыхъ данныхъ для пониманія и финансоваго, и военнаго, и административнаго строя Московской Руси. Современныхъ изслѣдователей не страшитъ, напр., изслѣдованіе «О дьякахъ Московскихъ приказовъ»! И такая, повидимому, сухая тема получаетъ подъ умѣлымъ перомъ интересъ и значеніе. Внимательное изученіе «смѣтныхъ книгъ», «десятней», болѣе глубокое изслѣдованіе «писцоваго» матеріала даетъ, помимо разрѣшенія вопросовъ относительно судебъ внутренняго управленія, цѣлый рядъ выводовъ гораздо болѣе широкаго значенія: Оживаетъ передъ нашими глазами московское общество, вырастаетъ мѣстная жизнь, традиціонные взяточники и невѣжды дьяки обращаются въ грубоватыхъ, правда, но тонко понимающихъ свое дѣло admini-

страторовъ, кормящихся отъ обывателей, но исполняющихъ ввѣренное имъ дѣло честно и аккуратно «по заповѣди и крестному цѣлованію». — Весь миражъ безъисходнаго невѣжества, повальной продажности, злоупотребленій, хаотическаго состоянія государственнаго управленія — такъ талантливо начертанный подъ вліяніемъ абстрактныхъ теорій и преувеличеннаго значенія XVIII вѣка, быстро исчезаетъ при ближайшемъ изученіи скромныхъ, безпритязательныхъ хартій и столбцевъ московскихъ канцелярій.

Точно то же мы видимъ и въ области, гораздо менѣе затронутой, въ исторіи Литовско-Русскаго государства. Со временъ Морошкина, одни изъ нашихъ выдающихся юристовъ за другимъ, какъ напр. пр. Бѣляевъ, Леонтовичъ, Владимірскій-Будановъ, указывали на важность изученія Литовскаго права и государства, приводили доказательства тѣсной связи и преемственности разнообразныхъ институтовъ Литовскаго права и Русской Правды, съ одной стороны, и Литовскаго Статута, какъ выраженія правосознанія Литовско-Русскаго народа, и Уложенія царя Алексѣя Михайловича, съ другой; — цѣлая плеяда историковъ разрабатывала и донынѣ разрабатываетъ различные вопросы Литовско-русскаго права, опираясь преимущественно на акты Кіевскаго Центральнаго Архива и отчасти на акты богатаго Виленскаго Архива. И здѣсь мы видимъ то же самое явленіе: Чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ болѣе изслѣдователи переходятъ отъ вопросовъ политическаго устройства и жизни къ изслѣдованіямъ экономическихъ, общественныхъ и административныхъ вопросовъ.—Какъ я замѣтилъ уже выше, препятствіемъ для болѣе широкаго движенія въ этой области представляется малоизвѣстность документовъ, касающихся В. Княжества въ концѣ XV и началѣ XVI ст., вплоть до появленія самостоятельныхъ книгъ мѣстныхъ судовъ: земскихъ, гродскихъ и подкоморскихъ. Какъ извѣстно, только однѣ эти книги (за рѣдкими исключеніями) и хранятся въ Центральныхъ архивахъ, документы же болѣе ранняго времени, хранящіеся въ Метрикѣ Литовской, находящейся въ настоящее время въ Москвѣ въ Архивѣ Министерства Юстиціи, мало доступны провинціальнымъ ученымъ: Однако, всякій разъ, когда они могли познакомиться съ этими древними документами, русская наука получала новый цѣнный вкладъ: послѣднія работы пр. В. Б. Антоновича, М. Ф. Владимірскаго-Буданова и т. д. очевидное тому доказательство.—Съ живѣйшимъ, поэтому, вниманіемъ, надо надѣяться, отозвутся всѣ, интересующіеся не только исторіею Литвы, но и исторіею Русскаго права въ Литвѣ, къ сочиненію г. Любавскаго, разбору котораго посвящены слѣдующія строки.

Трудъ г. Любавскаго распадается на четыре главы и приложеніе, заключающее въ себѣ инвентари конца XV и начала XVI в. и акты, изобра-

жающіе устройство мѣстнаго управленія, права и обязанности должностныхъ лицъ и отношенія къ нимъ мѣстнаго населенія (всего 51 №).

Въ виду огромнаго количества матеріаловъ, вошедшихъ въ текстъ самого изслѣдованія, авторъ счелъ необходимымъ присоединить къ нему указатели: историко-географическій и предметный. Сверхъ того, къ сочиненію приложена политическая карта Литовско-Русскаго государства конца XV и начала XVI в., сопровождаемая особымъ объясненіемъ.

Первая глава изслѣдованія посвящена вопросу о происхожденіи областнаго дѣленія и доказательству федеративнаго характера Литовско-Русскаго государства (1—62). По мнѣнію автора, областное дѣленіе В. Княжества въ началѣ XVI в. было результатомъ тѣхъ условій, при которыхъ образовалось Литовское государство и при которыхъ перешло отъ удѣльнаго порядка къ единодержавію, т. е.: Собственно Литовская земля съ русскими областями, завоеванными Литвою уже въ XIII ст., заняли въ Литовскомъ государствѣ преобладающее значеніе. Вмѣстѣ съ тѣми русскими землями, которыя хотя и были присоединены къ В. Княжеству позже, но составляли части старыхъ княженій, слишкомъ слабые для того, чтобы сохранить свое самостоятельное положеніе, собственная Литва дѣлилась на два воеводства, Виленское и Троцкое, въ чемъ сказался военно-политическій дуализмъ, установившійся въ Литвѣ въ XIV в., со времени Ольгерда и Кейстута. Остальныя русскія области, примкнувшія къ В. Княжеству по договору, т. е. земли Жомоитская, Полоцкая, Витебская, Смоленская, Кіевская и Волынская, Чернигово-Сѣверскія княженія и Подолье, продолжали удерживать свое особое положеніе въ составѣ В. Княжества, такъ какъ этому благопріятствовало не только ихъ географическое положеніе, но и отсутствіе у Литовскаго правительства, въ силу неразвитости и сравнительной политической слабости господствовавшаго племени, оригинальныхъ творческихъ стремленій къ организаціи государства. Вліяніе польскихъ идей способствовало сохраненію политической особности земель, въ связи съ которою находится и правительственная децентрализація, придававшая Русско-Литовскому государству федеративный характеръ.

Во второй главѣ (63—296) авторъ, перечисливъ великокняжескихъ чиновниковъ, завѣдывавшихъ судомъ и управленіемъ въ областяхъ, т. е. воеводъ, намѣстниковъ, державцевъ и тивуновъ, и намѣтивши вопросъ объ ихъ іерархическомъ соотношеніи, переходитъ къ выясненію принциповъ административнаго дѣленія В. Княжества на округа въ соотвѣтствіи съ іерархическимъ положеніемъ указанныхъ выше лицъ, т. е. къ разрѣшенію вопроса о значеніи волостей, повѣтовъ и державъ.

Органы общаго управленія въ областяхъ Литовско-Русскаго государства, носившіе первоначально наименованіе намѣстниковъ и тивуновъ,

получаютъ, со времени сближенія В. Княжества съ Польшею, заимствованный изъ Польши, титулъ «старо́стъ», а къ концу избраннаго авторомъ періода въ бывшихъ княжествахъ: Виленскомъ, Трокскомъ, Кіевскомъ, Полоцкомъ, Витебскомъ и Смоленскомъ, намѣстники и старо́сты этихъ областей переименовываются въ воеводы. Въ то время, какъ переименованіе въ старо́сты не произвело измѣненія въ должностномъ значеніи старыхъ намѣстниковъ, переименованіе старо́стъ въ воеводы повело къ осуществленію въ жизни принципа, заимствованнаго изъ Польши, а именно, что воевода есть глава и представитель мѣстнаго шляхетства, а для Виленскаго и Трокскаго воеводствъ, въ частности, это переименованіе повело къ тому, что воеводы этихъ областей стали военачальниками для населенія и тѣхъ округовъ, которые не были подчинены имъ по суду и управленію. Помимо воеводъ, бывшихъ политическими (?) представителями и военачальниками опредѣленныхъ округовъ, были воеводы титулярные, вродѣ воеводы Новгородскаго или Подляшскаго, которые въ своихъ округахъ имѣли то же значеніе какъ «намѣстники-старо́сты», т. е. чиновники, подчиненные воеводамъ только въ военномъ отношеніи. Въ пригородахъ и волостяхъ воеводствъ и староствъ судъ и управленіе находились въ рукахъ намѣстниковъ и тивуновъ, назначаемыхъ В. Княземъ по представленію воеводъ и старостъ, или же по самостоятельному назначенію этихъ высшихъ чиновниковъ. Переименованные въ 1529 г. изъ тивуновъ въ державцы, эти низшіе чиновники завѣдывали волостями даннаго воеводства или старо̀ства, подчиняясь по суду и управленію воеводамъ или старо́стамъ, какъ высшей инстанціи. Для обозначенія округовъ, которыми управляли какъ высшіе, такъ и низшіе представители государственной власти, т. е. воеводы, старо̀сты, намѣстники-державцы и тивуны, употреблялся или старинный русскій терминъ «волость», или же заимствованный изъ Польши «повѣтъ», иногда «держава».

Выяснивъ основныя начала административнаго дѣленія В. Княжества, авторъ посвящаетъ затѣмъ бо̀льшую часть второй главы на опредѣленіе состава волостей каждаго изъ воеводствъ и староствъ и установленію географическихъ границъ каждаго изъ этихъ крупнѣйшихъ округовъ. Не имѣя въ этой области предшественниковъ, такъ какъ всѣ наличныя карты В. Княжества Литовскаго, не исключая наболѣе полныхъ, какъ напр., Топольницкаго, относятся къ тому административному дѣленію, которое введено было въ В. Княжествѣ вмѣстѣ съ измѣненіемъ старыхъ принциповъ внутренняго управленія и признаніемъ государственнаго верховенства шляхты, т. е. къ 1566 — 1569 г.г., — авторъ принужденъ былъ для установленія административнаго дѣленія В. Княжества въ началѣ XVI в. совершить громадную работу, а именно: На основаніи актовыхъ данныхъ, главнымъ образомъ изъ Метрики Литовской, онъ разыскалъ границы глав-

нѣйшихъ округовъ, руководствуясь положеніемъ рѣкъ, озеръ и различнаго рода урочищъ, названія которыхъ сохранились до настоящаго времени, или же для замѣны которыхъ иными, нынѣ существующими, названіями имѣются несомнѣнныя данныя; для обозначенія же государственныхъ границъ, онъ сдѣлалъ ту же работу, опираясь, главнымъ образомъ, на напечатанные уже оффиціальные документы, вродѣ «Описанія границъ Польши и Литвы съ землями ордена» временъ Ягеллы и Витовта, Писцовыми книгами и проч. Если принять во вниманіе, что при неполнотѣ существующихъ у насъ географическихъ словарей, не исключая даже и самаго послѣдняго «Słownik geograficzny Królewstwa Polskiego», не говоря уже о старыхъ работахъ Балинскаго и Липинскаго, автору приходилось разыскивать всѣ эти урочища по трехверстной картѣ, изданія Генеральнаго Штаба, а слѣдовательно для каждаго изъ воеводствъ внимательно, вершокъ за вершкомъ, прослѣдить для одной только губерніи всѣ географическія названія на десяткахъ картъ, — а слѣдовательно для одного, напр., Виленскаго воеводства болѣе 30 картъ, а для всего В. Княжества болѣе 150 листовъ, испещренныхъ надписями, то уже одна карта Литвы, сама по себѣ представляется огромною и въ высшей степени цѣнною работою. Если же обратить вниманіе и на то обстоятельство, что въ текстѣ книги отмѣчены въ каждомъ воеводствѣ и староствѣ тѣ наиболѣе крупныя владѣнія князей и магнатовъ, которыя составляли высшій общественный слой В. Княжества и роль которыхъ въ исторіи внутренней жизни этого государства весьма важна, хотя и по настоящее время не вполнѣ выяснена, то станетъ понятно, какимъ важнымъ пособіемъ для изслѣдователя будетъ служить эта карта, если, какъ мы надѣемся, въ недалекомъ будущемъ явится возможность выяснить болѣе точно относительную населенность и, въ особенности, общественный строй отдѣльныхъ земель В. Княжества, для чего уже и у самого автора приведены нѣкоторыя указанія при объясненіи къ составленной имъ картѣ (XCV). Тогда, быть можетъ, станетъ яснымъ фактъ устойчивости тѣхъ государственныхъ началъ, которыя твердо держатся въ Литвѣ, не смотря на формальныя ограниченія, установленныя грамотами 1492 и 1506 г.г.; выяснится, быть можетъ, и та роль, которую играли во внутренней борьбѣ XIV и XV в.в. русскія земли, отношенія къ различнымъ землямъ В. Княжества Литовскаго: Витовта, Свидригайлы, Сигизмунда Кейстутовича; весьма вѣроятно, что причины и послѣдствія Люблинской уніи 1569 г. получатъ иное истолкованіе и т. д.

Не подлежитъ сомнѣнію, что дальнѣйшее знакомство съ актами Метрики Литовской дастъ возможность сдѣлать нѣкоторыя дополненія и исправленія въ упомянутой картѣ, но и теперь можно утверждать, что еще долгое время всякій серьезный изслѣдователь исторіи Русско-Литовскихъ отно-

шеній будетъ находить въ картѣ, составленной г. Любавскимъ, надежную и цѣнную опору.

Третья глава изслѣдованія, посвященная составу общества въ повѣтахъ «намѣстниковъ-державцевъ» и должностной дѣятельности этихъ представителей государственной власти, составляетъ не только по размѣрамъ (297—764 стр.), но по важности и богатству матеріала, а также и по обработкѣ краеугольный камень всего изслѣдованія. Вмѣстѣ съ предъидущею главою, она разрѣшаетъ рядъ вопросовъ о двухъ существенныхъ элементахъ Литовско-Русскаго государства, т. е. о территоріи и населеніи В. Княжества.

Исходя изъ того начала, что въ большинствѣ повѣтовъ, которыми управляли намѣстники-державцы (т. е. лица, подчиненныя воеводамъ и старостамъ по суду и управленію), велось собственное хозяйство В. Князя, авторъ считаетъ причиною особеннаго развитія этого хозяйства въ Литовской землѣ то обстоятельство, что В. Князья, замѣнивши въ собственной Литвѣ большее количество мелкихъ князей, унаслѣдовали отъ нихъ готовыя уже хозяйственныя единицы, которыя возникли первоначально, какъ средство эксплуатаціи рабскаго труда. Впослѣдствіи, обиліе рукъ дало возможность расширить это хозяйство, сдѣлать его болѣе разнообразнымъ и получить при помощи барщиннаго труда то, что не всегда могло быть получено деньгами или натурою. Въ силу болѣе благопріятнаго, въ отношеніи безопасности, положенія собственно Литовскихъ земель со времени личной уніи Литвы съ Польшею и разгрома Тевтонскаго ордена, также въ силу бо́льшей возможности надзора и контроля, господарское хозяйство развивалось преимущественно въ Литвѣ, между тѣмъ какъ въ русскихъ областяхъ и въ землѣ Жомоитской хозяйство это не только не развивалось, но скорѣе клонилось къ упадку.

Изученіе элементовъ рабочей силы господарскаго хозяйства заставляетъ автора остановиться на тѣхъ разрядахъ лицъ, которые были приписаны, «тянули» къ господарскому двору какими либо службами, имѣвшими въ виду реализацію экономическихъ потребностей этого двора. Такимъ образомъ, авторъ открываетъ изученіе литовскаго общества изслѣдованіемъ юридическаго и экономическаго положенія самаго низшаго класса, т. е. «челяди невольной»; «паробковъ».

Отъ нихъ авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію обязанностей и правъ нѣсколько высшаго класса, т. е. крѣпостныхъ, «тяглыхъ» людей государевыхъ, которые или отбывали постоянно барщинную работу, отличаясь отъ «челяди» тѣмъ, что имѣли свое самостоятельное хозяйство и несли къ господарскому двору обязанности, опредѣленныя изстаринными обычаями, согласно тому или иному размѣру и роду земли; такимъ обра-

зомъ, наряду съ тяглыми пашенными крестьянами, платившими «дякло» и несшими барщинный трудъ на господарской пашнѣ, эксплуатація различныхъ угодій создала особые разряды крестьянъ, каковы напр., рыболовы, бортники, осочники и т. д., точно также, какъ для удовлетворенія разнаго рода потребностей господарскаго хозяйства появились крестьяне ремесленники, обязанные въ экстренныхъ случаяхъ помогать барщиннымъ крестьянамъ въ уборкѣ хлѣба, сѣна и т. д. Ремесленники и иные крестьяне, несшіе спеціальныя, не тяглыя службы, составляли высшій классъ крестьянъ, обязанный военною службою и обезпеченный въ своихъ правахъ болѣе высокою охраною, нежели барщинные крестьяне. Къ этому же разряду причислялись «данники», «тянувшіе» на В. Князя не повинностями, а опредѣленными платежами: серебромъ, медомъ, мѣхами и т. д. Переходнымъ классомъ между крестьянами, тянувшими къ господарскому двору податями и повинностями, и боярами, несшими только военную службу, является классъ «слугъ». Они были землевладѣльцами, хотя и мелкими, но лично свободными, а обязанности ихъ по отношенію къ господарскому двору состояли въ «листовной службѣ» или «пути», т. е. въ разъѣздахъ по порученіямъ державцы, — впрочемъ, главною повинностью этихъ слугъ въ началѣ XVI в. была военная служба. Къ этому же разряду лицъ причислялись и тѣ изъ мѣщанъ, которые пріобрѣтали земли внѣ городскаго надѣла.

Перечисливъ низшіе классы литовскаго населенія, называвшіеся вообще «мужами» или «мужиками простыми», въ отличіе отъ шляхты, авторъ переходитъ къ выясненію объекта обложенія барщиннымъ трудомъ, военною повиностью и податьми, т. е. къ тѣмъ земельнымъ единицамъ, которыя даны были въ Литовско-Русскомъ государствѣ развитіемъ семейно-родовой кооперації и совладѣнія крестьянъ.

Складываясь изъ пахотныхъ земель и связанныхъ нераздѣльно съ ними правъ на «ухожаи», «вступы» и т. д. въ лѣсахъ, рѣкахъ и озерахъ В. Князя и частныхъ владѣльцевъ, эти земельныя единицы, носившія разнообразныя названія, какъ-то «земель», «дворищъ», «селищъ», «жеребьевъ», «слѣдовъ» и т. д., имѣли, не смотря на отклоненія, нѣкоторую среднюю величину, опредѣлявшуюся тѣмъ среднимъ количествомъ членовъ, которое при тогдашнихъ условіяхъ могла содержать въ себѣ семейно-родовая ассоціація крестьянъ. Въ случаѣ недостаточности наличныхъ силъ семьи, крестьянскіе роды принимали къ себѣ въ долю постороннихъ людей, «сябровъ».

Изъ такихъ отдѣльныхъ крестьянскихъ семей и родовъ, владѣвшихъ каждый своею особою землею, складывалась волость; солидарность крестьянъ этой волости въ отношеніи повинностей является результатомъ не общности земли, а общности податныхъ тягостей, круговая же порука по платежу даней существовала только въ Поднѣпрскихъ и Задвинскихъ областяхъ.

Признавая далѣе, что развитіе дворцоваго хозяйства должно было повести къ установленію отношеній власти не къ волости, а къ отдѣльной крестьянской «службѣ», авторъ видитъ въ этомъ основаніе для возникновенія крѣпостнаго права; право это не было, однако, безусловнымъ, такъ какъ крестьянинъ посадивъ вмѣсто себя кого-либо, желающаго принять на себя его обязанности къ государственной власти, могъ безпрепятственно стать «человѣкомъ похожимъ, вольнымъ». Точно также, въ виду того, что государственная власть заботилась лишь о томъ, чтобы подати и повинности съ отдѣльнаго крестьянскаго хозяйства были надлежащимъ образомъ выполняемы, количество «похожихъ, вольныхъ людей» постоянно пополнялось изъ числа младшихъ членовъ семьи или «потужниковъ», которымъ въ наслѣдственныхъ земляхъ было мало мѣста. Прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ имѣло характеръ обезпеченія государственной власти въ полученіи опредѣленныхъ доходовъ, но не создавало никакихъ правъ на землю для самихъ крестьянъ: земля крестьянская принадлежала В. Князю, который былъ воленъ распорядиться ею по своему усмотрѣнію, пожаловать ее вмѣстѣ съ крестьяниномъ, или же безъ онаго. Давность служила основаніемъ какъ прикрѣпленія, такъ и свободы: Свободный человѣкъ, прожившій безъ договора на чьей либо землѣ болѣе десяти лѣтъ, становился «отчичемъ»; крѣпостной, покинувшій свою землю и переходившій отъ одного владѣльца къ другому въ теченіи болѣе десяти лѣтъ, становился человѣкомъ «вольнымъ».

Что касается частновладѣльческихъ крестьянъ, то распространеніе въ Литвѣ нѣмецко-польскаго права сообщило прикрѣпленію этихъ крестьянъ личный характеръ, такъ что отношенія ихъ къ государственной власти ограничивались платежемъ податей и отбываніемъ повинностей для военныхъ нуждъ, во всемъ остальномъ частновладѣльческіе крестьяне находились въ неограниченной зависимости отъ своихъ владѣльцевъ.

Выяснивъ общественное положеніе крестьянъ, авторъ переходитъ къ вопросу о крестьянскомъ управленіи.

По его мнѣнію, въ собственно Литовской землѣ завѣдываніе крестьянскими дворцовыми волостями лежало на намѣстникахъ-державцахъ, замѣнившихъ собою тивуновъ временъ Русской Правды, т. е. они были по отношенію къ крестьянамъ дворцовыми прикащиками, завѣдывавшими хлѣбопашествомъ, коннозаводствомъ, постройкою и ремонтомъ господарскихъ дворовъ, исправностью хозяйственнаго инвентаря, а также и обезпеченіемъ хозяйства надлежащимъ количествомъ рабочихъ рукъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ на ихъ же обязанности лежало наблюденіе за тѣмъ, чтобы крестьянскіе надѣлы находились въ соотвѣтствіи съ наличными силами каждой крестьянской службы, для чего они малоземельнымъ крестьянамъ увеличивали на-

дѣлъ, а малосильнымъ присаживали «дольничковъ»; съ этою же цѣлью они раздавали свободныя земли на оброкѣ, а равно разыскивали и возвращали на старыя мѣста бѣглыхъ крѣпостныхъ людей. По всѣмъ этимъ предметамъ намѣстнику-державцѣ принадлежало только общее руководство и надзоръ, а непосредственная реализація этихъ задачъ находилась въ рукахъ тивуновъ, назначаемыхъ державцею изъ челяди и крестьянъ. Въ виду того, что крестьяне тянули повинностями и къ центральному двору волости или повѣта, и къ мѣстнымъ дворамъ, существовали различныя степени крестьянскихъ властей, какъ напр., сотники, сорочники и десятники, путники, старцы, атаманы и т. д. Кромѣ непосредственнаго завѣдыванія крестьянскими работами, крестьянскія власти помогали намѣстникамъ-державцамъ въ сборѣ въ пользу государя натуральныхъ и денежныхъ податей какъ «обыкновенныхъ, т. е. дякла, мезлевы, житщины, и пр., и разныхъ «даней мѣхами, медомъ и пр., такъ точно и чрезвычайныхъ, для военныхъ нуждъ, т. е. подымщины, поголовщины, воловщины, серебщизны и пр., которыя, по мнѣнію автора, унаслѣдованы были Литвою отъ татаръ.

Указавъ затѣмъ на подати, которыя платились какъ господарскими, такъ и частновладѣльческими крестьянами, напр. серебщина, стація и т. д., а равно и на отбываніе ими нѣкоторыхъ общихъ повинностей, какъ напр. подводной, авторъ переходитъ къ вопросу объ организаціи мѣщанъ.

Въ городахъ съ магдебургскимъ правомъ существовали особыя городскія власти, какъ напр. войтъ, бурмистры и т. д., въ городахъ же, не получившихъ этого права, особыхъ городскихъ властей не было. — Вслѣдъ затѣмъ авторъ переходитъ къ высшему сословію Литовско-Русскаго государства, т. е. къ шляхтѣ.

Въ западныхъ областяхъ В. Княжества въ началѣ XVI в. общимъ названіемъ для шляхтича былъ терминъ «земянинъ», на востокѣ же они назывались «боярами». Боярство по своему происхожденію и составу было довольно сложно: Высшій классъ его носившій названіе «паны», составлялъ и высшій правительственный классъ, «бояре — шляхта», были лица, имѣвшіе документы о своемъ происхожденіи отъ высшаго или средняго класса бояръ; низшій же слой боярства остался внѣ шляхетства.

Главную повинность этого класса составляла военная служба, которую онъ несъ съ опредѣленнаго количества земель. Земли эти назывались «отчинами». Только тѣ земли считались полною собственностью, которыя были пожалованы «съ полнымъ правомъ и панствомъ», а такого рода пожалованія давались только «панамъ», на которыхъ распространены были въ этомъ отношеніи права удѣльныхъ и служилыхъ князей отчасти путемъ перехода къ панамъ княжескихъ имѣній, отчасти въ силу происхожденія «пановъ» отъ княжескихъ фамилій. Что же касается пространства правъ на недвижимыя

имѣнія, принадлежавшія среднему и низшему военно-служилому классу, то подъ вліяніемъ польскихъ идей эти имѣнія были признаваемы «вотчинами» въ томъ только случаѣ, когда они находились въ рукахъ даннаго лица или его предковъ по крайней мѣрѣ при двухъ послѣднихъ государяхъ. Но такое признаніе не давало права полной собственности, а устанавливало лишь право вѣчнаго владѣнія, земля же считалась собственностію В. Князя, такъ какъ онъ могъ пожаловать земли этихъ бояръ вмѣстѣ съ волостію, въ которую онѣ входили, князю или «пану» и въ такомъ случаѣ бояре со своими «вотчинами» обязаны были служить этимъ панамъ, а не В. Князю; въ случаѣ же отказа отъ такой службы, они теряли свои «вотчины». Въ виду отсутствія у бояръ полнаго права собственности на эти вотчины, отчужденіе оныхъ могло происходить въ руки чужеродца не иначе, какъ съ согласія господаря или его представителей; за родственниками же, происходившими отъ одного общаго предка, сохранялось на неопредѣленное точно время право выкупа. Отчуждать свои земли безповоротно «вотчинники» не имѣли право какъ чужеродцу, такъ и женѣ. По мнѣнію автора, право родоваго выкупа, выросшее на русской почвѣ изъ родоваго совладѣнія землею, укрѣпилось въ Литвѣ подъ вліяніемъ польскаго земскаго права, вліявшаго на законодательство и судебную практику и способствовавшаго къ удержанію этихъ «вотчинъ» въ данномъ родѣ, что видно какъ изъ постановленій относительно правъ вдовы въ имуществѣ мужа, такъ и изъ принциповъ наслѣдственнаго права: Такъ, вдова не наслѣдовала послѣ мужа въ недвижимости, а получала или въ пожизненное владѣніе, или до выхода замужъ; только ту ея часть, на которой была гипотека въ обезпеченіе ея приданнаго, послѣ отца наслѣдовали въ «отчинѣ» сыновья, а сестры получали приданное изъ четвертой части имѣнія отца; въ случаѣ же безпотомственной смерти братьевъ, или же при наличности наслѣдниковъ только женскаго пола, имущество переходило къ нимъ, предпочтительно передъ иными боковыми родственниками. Имущество почиталось выморочнымъ лишь въ томъ случаѣ, когда не оставалось въ наличности никакихъ родственниковъ наслѣдодателя. Въ виду противуположности этихъ тенденцій со старинными понятіями о полной свободѣ распоряженія вотчинами, правительство принуждено было дѣлать рядъ уступокъ въ этомъ направленіи.

Переходя затѣмъ къ вопросу объ иныхъ формахъ поземельныхъ отношеній, которыя существовали въ Литвѣ, авторъ указываетъ на имѣнія купленныя, какъ осуществлявшія въ Литвѣ идею полнаго, неограниченнаго права собственности; «помѣстья», которыя, по его мнѣнію, были имѣніями, жалованными, подъ условіемъ военной службы, на неопредѣленный срокъ, впредь до усмотрѣнія, подобно имѣніямъ, жаловавшимся «въ хлѣбокормленье», «на поживенье».

Указавъ затѣмъ на положеніе бояръ, находившихся на службѣ у крупныхъ и мелкихъ землевладѣльцевъ, и ихъ мѣсто среди другихъ общественныхъ классовъ, авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію отношеній къ этимъ высшимъ классамъ по суду и управленію мѣстныхъ представителей государственной власти, т.. е. намѣстниковъ-державцевъ, а также и къ выясненію роли и значенія прочихъ подчиненныхъ органовъ мѣстнаго управленія.

Принимая извѣстное участіе въ устройствѣ военно-служилаго землевладѣнія путемъ раздачи опустѣвшихъ земель подъ условіемъ военной службы, разрѣшеніемъ различныхъ сдѣлокъ на имѣнія, доставленіемъ свѣденій о различныхъ имѣніяхъ, ходатайствуя передъ центральнымъ правительствомъ за челобитчиковъ, намѣстники-державцы при помощи «хоружихъ» принимали мѣры къ исправному отбыванію военной службы всѣми обязанными къ тому лицами, какъ свѣтскими, такъ и духовными, наблюдая за тѣмъ, чтобы военные отряды выступали на службу въ надлежащемъ размѣрѣ, а освобожденіе отъ обязанности лично отбывать эту повинность было предоставляемо лишь старикамъ, больнымъ, женщинамъ и малолѣтнимъ. Державцы-намѣстники, имѣли, далѣе, въ своемъ присудѣ всѣхъ военно-служилыхъ землевладѣльцевъ, за исключеніемъ князей, пановъ и лицъ, получившихъ особыя несудимыя грамоты, а также и все остальное населеніе своего округа, за исключеніемъ мѣщанъ магдебургскихъ городовъ и лицъ, подчиненныхъ вотчинному суду; по отношенію однако къ этимъ послѣднимъ дѣла о разбоѣ съ поличнымъ, вооруженномъ наѣздѣ, поджогѣ, изнасилованіи и нанесеніи ранъ шляхтичу подлежали суду державцы-намѣстника, а не суду вотчинника.

За этими исключеніями, намѣстникамъ-державцамъ принадлежало право суда по всѣмъ дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ; право-же аппеляціи по тѣмъ дѣламъ, которыя вообще были изъяты изъ вотчинной юрисдикціи, и нѣкоторымъ инымъ, предоставлено было каждому желающему, а высшимъ судомъ въ этомъ случаѣ была судебная коммиссія изъ пановъ радъ, имѣвшихъ для разрѣшенія подобнаго рода аппеляціонныхъ жалобъ ежегодно двѣ сессіи въ Вильнѣ. На намѣстниковъ-державцевъ можно было жаловаться воеводамъ того повѣта, въ которомъ находилась держава, только въ случаѣ неправаго суда державцы.

Указавъ затѣмъ особый порядокъ разбирательства споровъ по поземельнымъ дѣламъ при помощи «полюбовныхъ судей», авторъ представляетъ весьма любопытный очеркъ «копныхъ» судовъ, видя въ нихъ развитіе, а можетъ быть и простое продолженіе дѣятельности «вервей».

Утверждая далѣе, что Статутъ 1529 г., предписавъ державцамъ, на время своего отсутствія, поручать отправленіе суда намѣстникамъ совмѣстно

съ двумя «присяжными земянами», сдѣлалъ изъ судебныхъ ассистентовъ постоянную должность, давъ имъ болѣе участія въ судѣ и сообщивъ имъ сословный характеръ, авторъ перечисляетъ затѣмъ подчиненный персоналъ, при содѣйствіи котораго намѣстникъ-державца осуществлялъ свои права по суду и управленію: Складываясь отчасти изъ лицъ, назначаемыхъ державцею, какъ напр. «вижи», «дѣцкіе», «дьяки», отчасти изъ лицъ, назначавшихся самимъ государемъ изъ мѣстнаго военно-служилаго сословія, какъ напр., «конюшіе», «городничіе», «гаевники» и т. д., этотъ служебный персоналъ состоялъ въ подчиненіи, подъ надзоромъ и руководствомъ державцевъ-намѣстниковъ.

Результатомъ всего предъидущаго изслѣдованія оказывается тотъ выводъ, что намѣстники-державцы, будучи органами общаго управленія въ своихъ повѣтахъ и исполняя разнообразныя правительственныя порученія, не ограничивались въ своей дѣятельности ни какимъ либо однимъ родомъ дѣлъ, ни какимъ либо однимъ классомъ общества.

Что касается доходовъ державцевъ-намѣстниковъ, то они состояли изъ естественныхъ произведеній опредѣленныхъ земель, обрабатывавшихся для содержанія административнаго персонала, или же изъ того или иного количества «кормовъ», собиравшагося съ мѣстнаго населенія; далѣе изъ доходовъ отъ суда, т. е., «винъ», «зарукъ», части «вижоваго», «дѣцкованья» и т. д., доходовъ отъ административной дѣятельности, какъ напр. «обѣстки» съ купцовъ, «челобитья» съ лицъ, назначаемыхъ на должности по крестьянскому управленію, сборовъ, шедшихъ въ старину различнымъ должностнымъ лицамъ, вродѣ «тивунщины» «бобровщины» и т. д.; указавъ на тѣ измѣненія, которыя происходили въ этомъ отношеніи, смотря потому, находилась ли данная «держава» въ залогѣ у державцы или же нѣтъ, авторъ заканчиваетъ настоящую главу перечисленіемъ тѣхъ условій, на которыхъ производилась раздача «державъ» въ управленіе.

Четвертая и послѣдняя глава изслѣдованія (765—884) посвящена вопросу о правительственной дѣятельности и значеніи въ областяхъ воеводъ и старостъ.

Не останавливаясь на той сторонѣ дѣятельности воеводъ и старостъ, въ которой они, выступали съ тѣми же самыми правами и обязанностями, какъ и прочіе намѣстники-державцы, перейдемъ къ той части главы, въ которой авторъ имѣетъ въ виду выяснить особую роль воеводъ и старостъ, указать на тѣ стороны ихъ дѣятельности, которыми они отличались отъ подчиненныхъ имъ намѣстниковъ-державцевъ.

Указавъ на то обстоятельство, что населеніе повѣтовъ намѣстниковъ-державцевъ отбывало нѣкоторыя повинности по постройкѣ, ремонту, охраненію укрѣпленій въ центральныхъ замкахъ, бывшихъ резиденціею воеводъ

и старостъ, а также уплачивало нѣкоторыя повинности, напр. «дякло», «дань грошовая» и т. д., авторъ, однако, отмѣчаетъ, что такой порядокъ не былъ общимъ, что въ нѣкоторыхъ повѣтахъ эти повинности и подати поступали въ мѣстные центры, а намѣстники-державцы этихъ повѣтовъ были почти независимы отъ воеводъ и старостъ.

Къ воеводамъ и старостамъ, какъ преемникамъ удѣльныхъ князей, перешелъ извѣстный надзоръ и контроль надъ управленіемъ намѣстниковъ-державцевъ. Къ нимъ же перешло отъ удѣльныхъ князей право предводительства вооруженными силами своего воеводства; имъ же принадлежало право раздачи земель на военную службу въ предѣлахъ всего воеводства. Воеводы и старосты были главными и высшими судьями въ областяхъ, такъ какъ имъ были подчинены князья и паны, имѣнія которыхъ не входили въ составъ повѣтовъ намѣстниковъ-державцевъ; имъ же, въ первой инстанціи, были подвѣдомствены дѣла шляхты изъ повѣтовъ тѣхъ державцевъ и тивуновъ, которые не имѣли права суда надъ шляхтою; имъ же были подсудны державцы и тивуны по жалобамъ со стороны подчиненныхъ лицъ.

Воеводы и старосты судили не единолично, а при участіи мѣстнаго архіерея и государевыхъ чиновниковъ, которые болѣе или менѣе постоянно жили въ городѣ, и князей и бояръ, случайно прибывшихъ въ главный городъ. Сверхъ того, по мнѣнію автора, воеводы при помощи этихъ же лицъ, составлявшихъ ихъ совѣтъ по дѣламъ административнаго характера, приводили въ исполненіе различныя мѣропріятія, не входившія въ прямую обязанность этихъ чиновниковъ.

Въ воеводствахъ и староствахъ существовали областные сеймы, засѣдавшіе подъ предсѣдательствомъ воеводъ. Эти сеймы были органами самоуправленія и политической самодѣятельности областей. Въ сферу дѣятельности этихъ собраній входило рѣшеніе нѣкоторыхъ областныхъ дѣлъ, изданіе нѣкоторыхъ обязательныхъ въ предѣлахъ области постановленій, выборъ нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ, а также разрѣшеніе такихъ судебныхъ дѣлъ, въ которыхъ шелъ вопросъ о пространствѣ и характерѣ дѣйствія мѣстнаго права.

Въ виду того, что управленіе въ областяхъ Литовскаго государства имѣло характеръ областнаго самоуправленія, такъ какъ организовано было изъ мѣстныхъ политическихъ элементовъ, къ которымъ принадлежали и сами воеводы и старосты, то вслѣдствіе этого воеводы и старосты Русскихъ областей и староста Жмудскій были не столько агентами центральной власти въ этихъ земляхъ, сколько ихъ политическими представителями и главами земскаго самоуправленія, — а воеводы Литовскихъ земель являются, подъ

дѣйствіемъ польскихъ идей, главами и представителями мѣстнаго шляхетства въ широкомъ смыслѣ.

Таково, въ краткихъ чертахъ, содержаніе книги г. Любавскаго.

Если бы даже вмѣсто всѣхъ разнообразныхъ сторонъ внутренняго управленія В. Княжества Литовскаго, такъ тщательно и такъ близко къ дѣйствительности изображенныхъ въ книгѣ Любавскаго, мы имѣли одну только главу, изображающую административное дѣленіе В. Княжества, и составленную на основаніи документовъ политическую карту В. Княжества Литовскаго конца XV и начала XVI в. съ опредѣленными и нанесенными на ней около 2000 названій, то уже одинъ этотъ трудъ, по моему мнѣнію, заслуживалъ бы самъ по себѣ присужденія преміи. Но, какъ было указано выше, третья глава представляетъ не менѣе обширное и важное изслѣдованіе, какъ по богатству совершенно новаго матеріала, такъ и по разнообразіи вопросовъ въ ней поставленныхъ и весьма часто правильно обоснованныхъ и разрѣшенныхъ. Преслѣдуя выясненіе роли намѣстниковъ-державцевъ въ системѣ внутренняго управленія Литвы, авторъ представляетъ довольно полную картину Литовскаго общества начала XVI в. со стороны его экономическихъ и юридическихъ отношеній. Обязанности и отчасти права различныхъ общественныхъ классовъ, ихъ положеніе на общественной лѣстницѣ и отчасти организаціи этихъ классовъ, въ особенности крестьянскаго населенія, представлены авторомъ въ одной связной и цѣльной картинѣ, чего до сихъ поръ въ такой полнотѣ не сдѣлалъ никто изъ занимавшихся исторіею В. Княжества Литовскаго: Ни трудъ Ярошевича, «Obraz Litwy», ни тѣмъ менѣе трудъ Чацкаго, «O Litewskich i Polskich prawach», преслѣдующіе задачи, сходные съ задачею автора, не могутъ итти въ сравненіе. И если произведенія, болѣе близкихъ къ намъ по времени, лицъ, какъ, напр., труды г.г. Леонтовича, Новицкаго, Антоновича, Владимірскаго-Буданова и друг., по тщательной разработкѣ матеріала и богатству данныхъ составляли въ свое время да и понынѣ составляютъ настольныя книги для всякаго изъ занимающихся исторіею Литвы, не смотря на то, что каждая изъ нихъ представляетъ большею частію изслѣдованіе по исторіи какого либо одного изъ классовъ Литовскаго общества: крестьянъ, козаковъ, бояръ, мѣщанъ и т. д., то можно думать, что и книга г. Любавскаго, не смотря на нѣкоторыя недостатки, которыхъ мы коснемся ниже, займетъ, наряду со своими предшественниками въ этой области, принадлежащее ей по праву, почетное мѣсто.

Не ограничиваясь изслѣдованіемъ общественнаго строя В. Княжества, авторъ представляетъ организацію мѣстнаго управленія, главнымъ образомъ, дѣятельность намѣстниковъ-державцевъ и подчиненнаго имъ персонала съ такою полнотою и ясностію, что будущимъ изслѣдователямъ едва-

ли удастся прибавить многое къ тому исчисленію правъ и обязанностей этихъ лицъ, которое сдѣлано авторомъ. Равнымъ образомъ, роль и значеніе воеводъ, по крайности въ русскихъ областяхъ В. Княжества, выяснены авторомъ съ достаточною опредѣленностію, а особенное положеніе ихъ въ сферѣ управленія областями, ихъ роль въ качествѣ представителей земель, предсѣдателей мѣстныхъ сеймовъ, выразителей мѣстныхъ нуждъ и потребностей, если указаны и не впервые авторомъ, то все-таки нельзя не признать, что здѣсь авторъ не только представилъ много совершенно новаго, неизвѣстнаго или же малоизвѣстнаго матеріала, но и взглянулъ на вопросъ съ новыхъ точекъ зрѣнія.

Переходя къ указанію тѣхъ, на нашъ взглядъ, недостатковъ, которые можно встрѣтить въ трудѣ автора, мы должны заранѣе сказать, что эти недостатки ничуть не умаляютъ положительныхъ сторонъ изслѣдованія г. Любавскаго; недостатки эти должны быть отнесены на счетъ, главнымъ образомъ, неудовлетворительной разработки въ нашей литературѣ общихъ вопросовъ Литовскаго права. Имѣя въ своемъ распоряженіи громадный матеріалъ, добытый имъ самимъ изъ первыхъ рукъ кропотливымъ изученіемъ актовыхъ книгъ Метрики Литовской, конструируя изъ этого матеріала въ мелочныхъ деталяхъ внутреннее управленіе государства, малоизвѣстнаго съ этой стороны, встрѣчая по различнымъ, хотя и немногимъ сравнительно, вопросамъ теоретическія положенія, съ которыми онъ не могъ согласиться, а потому и принужденъ былъ считаться, авторъ естественно не могъ, съ одной стороны, разработать всѣхъ, намѣченныхъ имъ, вопросовъ во всѣхъ деталяхъ, дойти до самаго корня тѣхъ или другихъ явленій; съ другой стороны, въ виду разнообразія внутреннихъ условій жизни и различныхъ судебъ многочисленныхъ земель, изъ которыхъ складывалось В. Княжество, авторъ, конструируя свои положенія, распространяетъ ихъ гораздо далѣе, чѣмъ то можетъ быть допущено при болѣе внимательномъ изученіи. Нельзя также не признать, что трудъ свой авторъ основываетъ преимущественно на изученіи одного изъ отдѣловъ Метрики Литовской, а именно отдѣла «Записей», къ другимъ же отдѣламъ прибѣгаетъ сравнительно рѣдко; между тѣмъ, и другіе отдѣлы Метрики даютъ, равнымъ образомъ, весьма цѣнные отвѣты на малоизслѣдованные вопросы внутренней жизни Литвы, такъ, напр., во 2-й кн. «Судныхъ дѣлъ» на л. 309, авторъ могъ бы встрѣтить сеймовое постановленіе отъ 1522 г. относительно способовъ доказательства шляхетскаго происхожденія. Это сеймовое постановленіе могло бы облегчить въ значительной степени разъясненіе вопроса о доказательствахъ шляхетства, а также устранить нѣкоторыя, не вполнѣ обоснованныя, предположенія автора относительно значенія принадлежности лицъ, доказывающихъ свое шляхетское происхожденіе, къ тому или иному польскому гербу.

— Точно также, въ 9-й книгѣ «Переписей», на л. 96, можно было бы встрѣтить указаніе на то, что во времена Ягелла въ Червонорусскихъ земляхъ терминъ «повѣтъ» былъ тождественъ съ терминомъ «держава», а въ 7-й книгѣ «Публичныхъ дѣлъ», на л. 197 (обр.), въ документѣ, подъ заглавіемъ «Списане повѣтовъ В. Князства Литовского и врядниковъ въ нихъ», — «повѣтъ» еще въ 1566 г. отождествляются съ «хоругвію», а Ковенская «держава» называется «замкомъ». — Эти указанія на старинный военный характеръ повѣта, въ связи съ другими данными, почерпнутыми, напр., изъ хорошо извѣстной автору 1-й книги «Публичныхъ дѣлъ», а также нѣкоторыхъ книгъ «Записей», напр. № 19, л. 258, № 4, л. 36—60 и т. д., въ связи съ показаніями лѣтописцевъ, въ особенности Дюисбурга, могли бы послужить къ нѣсколько иному объясненію принциповъ территоріальнаго дѣленія Литвы, чѣмъ то, которое мы встрѣчаемъ у автора: Реализація наиболѣе насущныхъ потребностей государства, т. е. защита населенія отъ внѣшнихъ враговъ, расширеніе вооруженною рукою границъ государства, содержаніе военной силы при помощи повинности и податей, охраненіе мира и отправленіе правосудія, въ связи съ самостоятельиымъ экономическимъ положеніемъ В. Князя, какъ вотчинника земель, отчасти пріобрѣтенныхъ мечемъ, отчасти имъ самимъ колонизованныхъ, отчасти поступившихъ подъ его власть по наслѣдству или договору отъ прежнихъ государей, — вотъ начала, которыя лежатъ въ основѣ *историческаго* дѣленія территоріи В. Княжества.

Поэтому, трудно согласиться съ авторомъ, чтобы основное дѣленіе В. Княжества Литовскаго на воеводства и земли, опиралось на начала, данныя самостоятельною политическою жизнію отдѣльныхъ княжествъ, — или, чтобы дѣленіе собственной Литвы на два воеводства, Виленское и Трокское, произошло въ силу военно-политическаго дуализма, установившагося въ Литвѣ въ XIV в. — Дѣленіе русскихъ земель далеко не совпадаетъ со старинными границами русскихъ княжествъ, — да сверхъ того остается неразъясненнымъ вопросъ, къ какому именно времени должно быть отнесено установленіе опредѣленнаго, ненарушимаго дѣленія этихъ самыхъ княжествъ. Прежде чѣмъ пріурочивать дѣленіе къ принятому авторомъ принципу, слѣдовало бы указать, на основаніи какихъ началъ существовало единство и происходило распаденіе территорій княжествъ удѣльнаго періода.

Нельзя отрицать, что въ сознаніи подданныхъ В. Княжества Литовскаго въ XV и XVI ст. Вильно и Троки имѣли самостоятельное значеніе: В. Княземъ считался тотъ, кто «сидѣлъ на Вильнѣ и на Трокахъ»; но видѣть въ самостоятельномъ и первенствующемъ значеніи этихъ городовъ, а равно и въ дѣленіи собственно Литовскихъ земель на два воеводства, какія-либо

основанія для военно-политическаго дуализма, существовавшаго, якобы, въ Литвѣ, не представляется достаточныхъ основаній. Не говоря о неопредѣленности этого утвержденія, мы видимъ, что ни Витовтъ, ни его преемники никогда не возвращались къ установленію тѣхъ отношеній, которыя существовали, на основаніи договора, между Ольгердомъ и Кейстутомъ.

Что касается внутренняго управленія В. Княжества, то не смотря на огромную услугу, оказанную авторомъ разъясненію даннаго вопроса, нельзя согласиться съ тѣмъ предположеніемъ его, что значеніе воеводъ во всѣхъ воеводствахъ и земляхъ В. Княжества было сходнымъ, такъ какъ для главныхъ земель В. Княжества, земель собственно Литовскихъ, роль воеводъ представляется даже у автора далеко не сходною съ тѣмъ, чѣмъ она была въ русскихъ земляхъ: Отчего въ Литовскихъ земляхъ мы не видимъ воеводъ, въ качествѣ предсѣдателей провинціальныхъ сеймовъ, судовъ, представителей интересовъ шляхты своихъ воеводствъ и т. д.? Точно также, не вполнѣ ясно то исключительное положеніе, въ которомъ находятся нѣкоторые державцы-намѣстники по отношенію къ воеводамъ. Почему они не подчиняются имъ ни по суду, ни по управленію; на какомъ основаніи происходитъ пожалованіе имъ этихъ урядовъ изъ рукъ самого господаря и пановъ-радъ?

Сверхъ того, авторъ совсѣмъ не затрогиваетъ нѣкоторыхъ вопросовъ, которые также не вполнѣ могутъ уложиться въ принятую имъ систему отношеній между воеводами и намѣстниками-державцами: Если принимать, напр., за доказательство подчиненія намѣстниковъ-державцевъ воеводѣ то обстоятельство, что въ область этихъ намѣстниковъ «въѣзжали» нѣкоторые изъ чиновниковъ воеводскаго управленія, какъ-то городничій, конюшій, бобровничій и пр., то какъ же понять тотъ фактъ, что по различнымъ областямъ В. Княжества путешествуетъ Маршалокъ Земскій и разбираетъ самыя разнообразныя тяжбы, или Виленскій воевода путешествуетъ за границами своего воеводства для ревизіи украинныхъ замковъ? Почему, напр., далѣе, на старосту Рѣчицкаго, князя Жилинскаго, подчиненные ему волощане жалуются не воеводѣ, какъ бы слѣдовало, а самому В. Князю? Мы нигдѣ также не видимъ, чтобы авторъ обратилъ вниманіе на зависимость такого или иного положенія державцы-намѣстника не отъ того, на какомъ основаніи пожалована должность, а отъ того, кому она пожалована. Намъ кажется, что правильная постановка и разрѣшеніе этого вопроса требуетъ предварительнаго разрѣшенія вопроса о томъ, не было ли существеннаго различія въ отношеніи В. Князя къ поземельной собственности въ собственно Литовскихъ земляхъ и въ земляхъ русскихъ; не было ли уже въ титулѣ В. Князя Литовскаго, въ тѣхъ терминахъ, которые прилагались къ собственно Литовскимъ землямъ, указанія на эту разницу отношеній? В.

Князь не напрасно былъ «дѣдичемъ» земель Литовскихъ, не безъ основанія называлъ онъ эти земли своею «вотчиною».

Нельзя не признать, какъ то было указано нами и раньше, что владѣніе землею для всего боярскаго сословія въ собственно Литовскихъ земляхъ было только вѣчнымъ владѣніемъ, но не собственностію; но какія отсюда вытекали послѣдствія для крестьянъ, сидѣвшихъ на земляхъ этихъ вѣчныхъ владѣльцевъ, изъ сочиненія автора не видно. Между тѣмъ это фактъ капитальной важности для объясненія не только экономическихъ, но общественныхъ и политическихъ явленій В. Княжества въ началѣ XVI в.

Можно было бы привести, конечно, много еще вопросовъ и отмѣтить тѣ или иныя неточности или не вполнѣ обоснованныя положенія автора, но мы считаемъ достаточнымъ ограничиться вышеуказаннымъ, такъ какъ недосмотры и неполная обработка деталей являются совершенно естественными въ такомъ обширномъ трудѣ, какъ тотъ, который представилъ авторъ.

Поставленные нами выше вопросы и указанія на несоотвѣтствіе нѣкоторыхъ положеній автора съ фактами ничуть не умаляютъ, однако, положительныхъ достоинствъ его сочиненія. Кто много даетъ — отъ того много и требуется.

Въ виду всего указаннаго я полагаю, что трудъ господина М. Любавскаго заслуживаетъ несомнѣнно полной преміи.